

УДК 94(47).02

Лушников А.А.

*Пензенский государственный педагогический университет
им. В.Г.Белинского*

СОСТОЯНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В КОНЦЕ X В. (ПО МИНИАТЮРАМ РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)

A. Lushnikov

Penza State University named after V.G. Belinsky

PAGANISM OF EASTERN SLAVS IN LATE 10th CENTURY (AFTER MINIATURES OF THE RADZIWIIL CHRONICLE)

Аннотация. Автор анализирует миниатюры Радзивилловской летописи о восточнославянском язычестве конца X в. Изображения оказываются включенными в систему символов, связанных с миропониманием самого художника. С точки зрения автора, время Владимира Святославича до крещения Руси выделяется в летописи особо, в полемическом ключе. Кроме того, миниатюры выражают возросшее значение княжеского бога Перуна и антихристианскую направленность позднего язычества, состояние которого определяется в статье как кризисное.

Ключевые слова: летопись, миниатюра, религия, язычество, князь.

Abstract. The author makes an attempt to analyze the miniatures of the Radziwill Chronicle about paganism of Eastern Slavs in late 10th century. Images are included into the artist's system of symbols. According to the author, the time of Vladimir Svyatoslavich receives a special polemic treatment in the chronicle. Besides, the miniatures express the importance of Princes' deity Perun and anti-Christian tendency of late paganism, which, as the article states, was in crisis.

Key words: chronicle, miniature, religion, paganism, Prince.

Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись представляет собой довольно важный исторический источник по истории Древней Руси, изучение которого до сих пор не потеряло актуальности. Особый интерес представляют собой миниатюры, в которых были отражены различные события, а также явления общественной жизни. В данной статье мы сделаем попытку определить, как последние выражали состояние восточнославянского язычества в конце X в., религиозную жизнь в Древнерусском государстве, а также степень их достоверности. Изображения рассматриваются нами по факсимильному изданию, содержащее фотомеханическое воспроизведение всей летописи, их нумерация дается по тому же изданию [3; 4]. Кроме того, привлекаются и другие источники с целью сравнительно-исторического анализа.

Необходимо отметить, что в миниатюрах был довольно хорошо развит символизм, и язычество также выражалось определенным набором символов, одним из которых являлось дерево, что особенно видно на миниатюре «Метание жребия игральными кубиками боярами Владимира Святославича для определения жертвы языческим богам» (здесь и далее все миниатюры обозначены своим порядковым номером – М.114) [3, 46/об; 4, 321]. В самом издании летописи по этому поводу мы находим лишь краткую характеристику, принадлежащую Б.А. Рыбакову: «язычество символически изображалось группой деревьев, священной рощей, «рощением», где «клали требы» [3, 46/об; 4, 321]. Если проследить использование этого изображения, то можно увидеть, что оно встречается и до миниатюры о метании жре-

бия. Как нам представляется, в рукописи оно еще не утвердилось в качестве символа язычества. Так, дерево присутствует на следующих миниатюрах: М.21 («Передача Рюриком перед смертью княжения своему родственнику Олегу и назначение его опекуном своего малолетнего сына Игоря») [3, 10; 4, 307], М.86 («Княжение Владимира Святославича в Новгороде, отъезд Святослава Игоревича в Переяславец») [3, 37; 4, 317], М.98 («Убийство на охоте Олегом Святославичем Древлянским Люта Свенельдича, сына киевского воеводы») [3, 41; 4, 318], М.99 («Поражение войск Олега Святославича, обратившихся в бегство, от войск Ярополка Святославича Киевского») [3, 41; 4, 318], М.103 («Отправка новгородских посадников Владимиром Святославичем к брату, Ярополку Святославичу Киевскому, с предупреждением о начале военных действий против него») [3, 42; 4, 319].

Как мы видим, события, которые иллюстрируют эти миниатюры, прямо с язычеством не связаны. Зато на тех изображениях до М. 114 («Метание жребия») [3, 46/об; 4, 319], которые эту связь имеют, деревья отсутствуют: М.40 («Присяга воинов Олега оружием и богом Перуном; утверждение мирного договора Олега с греками») [3, 16; 4, 309], М.44 («Олег у останков своего любимого коня; смерть Олега от укуса змеи») [3, 19; 4, 309], М.57 («Присяга Игоря и его воинов язычников на холме перед фигурой Перуна, а христиан — у церкви святого Илии») [3, 26; 4, 312], и М.111 («Княжение Владимира Святославича в Киеве») [3, 45; 4, 320]. Однако на этой группе миниатюр тоже был символ язычества – холм (на М.57 присутствует постамент, а на втором плане – горы) [3, 26; 4, 312]. Конечно, образ дерева как языческого символа можно объяснить очень просто, как и было сделано Б.А. Рыбаковым – через существование культа деревьев на Руси. Мы же попытаемся объяснить образ дерева не из внешних источников, а из самой летописной записи, сопутствующей миниатюре. По ПВЛ, когда к варягу-отцу пришли посланники и сказали, что жребий пал на его сына, тот ответил следующее: «Не суть бо бози на древо,

днесь есть, а оутро изъгнееть и не ядят бо ни пьют, ни молвят но суть делании руками в дереве» [3, 26; 4, 312; 5, 83].

Не мог ли художник, следуя этим строкам, выбрать в качестве символа язычества дерево, т. е. материал, из которого были сделаны идолы, а также их *суть*? Об этом же, с нашей точки зрения, хорошо свидетельствует миниатюра М.114 [3, 46; 4, 321], где дерево располагалось на холме, а изображение последнего оказывается практически *идентичным* холму, на котором стоит идол Перуна из М.111 [3, 46/об; 4, 320]. Таким образом, дерево вытесняет собственно идолов – «бесов», что указывает на вполне определенную мысль – язычники поклоняются безжизненному дереву, все их надежды тщетны. Кроме того, здесь усиливается и полемическая составляющая источника. Если ранее языческие персонажи изображались в мифологическом ключе, присутствовали фигуры, то теперь на их место встало простое дерево, т. е. язычество изображалось уже в полемическом ключе. С нашей точки зрения, это могло отражать напряженность религиозной ситуации в общественном сознании в X в. и в последующее время, а также противоборство между христианством и язычеством. В следующих миниатюрах полемический характер изображений усиливается, так как далее следовала известная легенда о «выборе вер» Владимиром. Ее выражали несколько миниатюр, изображавшие беседу Владимира с представителями различных вероисповеданий, а также совет Владимира с горожанами и боярами по поводу принятия христианской веры. Интересно, что деревья были изображены не на всех рисунках данной группы, а только на М.120 («Беседа Владимира Святославича о вере с болгарскими магометанами») [3, 48; 4, 322], М.122 («Беседа Владимира Святославича о вере иудейской с хазарскими евреями») [3, 49; 4, 322], М.124 («Совет Владимира Святославича с боярами и горожанами о принятии христианской веры») [3, 58/об; 4, 322]. Тот факт, что дерево отсутствовало на миниатюрах, где Владимир беседовал с посланцами Рима, а также «философом», наталкивает нас

на мысль, что в роли «язычества» в двух миниатюрах (М.120 [3, 48; 4, 322], и М.122 [3, 49; 4, 322]) выступала не только дохристианская религия, но и вообще религия, отличная от христианства (в данном случае иудаизм и ислам). Впоследствии деревья также изображаются не в прямой связи с язычеством. Тем не менее большой интерес представляет собой М.168 («Возвращение убийц Глеба и Владимировича к Святополку Владимировичу с донесением о выполнении его повеления; обнаружение тела Глеба, брошенного убийцами на берегу») [3, 77; 4, 328], где дерево, как нам представляется, служило символом язычества (в более широком смысле – злодеяния).

Вместе со всем этим миниатюры отражают и более конкретные явления, которые также скрыты за символикой. Так, единственным узнаваемым идолом во всех изображениях оказывается Перун. Он предстает везде одинаково – в качестве красного беса с копьем и щитом. С одной стороны, это подтверждает факт влияния отождествления языческих богов с бесами на работу художника, с другой стороны – связь данного божества с войной и оружием. Примечательно, что именно Перун и предстает в миниатюрах как «языческий бог» вообще, о существовании других членов восточнославянского пантеона мы можем судить только по тексту летописи, но не по изображениям. Даже в М.111, посвященной «языческой реформе» Владимира [3, 46/об; 4, 320], на холме присутствует Перун, а около него – не остальные пять божеств, а два странных крылатых существа, которые, по всей вероятности, являются плодом воображения самого художника. Таким образом, именно громовержец, который в X в. достиг важного государственного значения, был у автора миниатюр все еще «на слуху», остальных же божеств он не считал достойными внимания. Однако в данной летописи было зафиксировано не только возвышение Перуна, но и человеческие жертвоприношения – речь идет о той же М.114 («Метание кубиков») [3, 46/об; 4, 321]. На миниатюре показывается исполнение обряда жертвоприношения. Метание жребия производилось

с помощью игральных кубиков с шестью точками, причем Б.А. Рыбаков считал, что число «6» означало угодность Перуну [4, 285], что, впрочем, является лишь его предположением. После жеребьевки князь давал грамоту «мученику».

При этом еще в записи 980 г. в Повести временных лет (ПВЛ) в описании «языческой реформы» Владимира содержатся следующие строки: «и привожаху сыны своя и дщери, и жряху бесомъ, и осквернаху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Руска» [5, 80]. Источник этих слов, однако, находится в 105-м Псалме, где обличается смешение евреев с ханаанскими язычниками: «но смешались с язычниками и научились делам их; служили истуканам их, которые были для них сетью, и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, – и осквернилась земля кровью» (Пс. 105: 36-38) [1, 628]. Язычество Ханаана стало для летописца моделью, с помощью которой он описывал язычество древнерусское, выражением язычества вообще, что подчеркивало его интенсивность и размах. Она не была присуща только летописи, но была также распространена в духовной литературе. Так, в «Слове св. Григория на пасху» говорится о приношении человеческих жертв у язычников таким образом: «яко и в идолослужение свестися, и в беззаконныя крови .еже от жертв беззаконныя именовашася, яко зле бесовом приносимы .или человеческих ради жертв .пожроша бо рече сыны своя и дщери бесовом» (по сборнику слов Григория Назианзина XVII в., РГАДА)¹.

Еще Псевдо-Кесарий (VI в.) писал о существовании подобного обряда: «а грудные младенцы...разбиваются о камни, подобно мышам» [6, 254]. Лев Диакон отмечал: «Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 381. Син. тип. Оп. 1. Д. 211. Л. 51.

жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев» [2, 185]. Здесь можно усмотреть влияние Библии: «Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» (Пс. 136: 8-9) [1, 642]. Однако мы не всегда видим здесь четкие совпадения с библейским текстом, особенно в случае с пленными. Поэтому представленную в греческих источниках информацию мы считаем хотя бы отчасти правдивой, т. е. когда речь идет о принесении в жертву пленных. В легенде же о смерти варяг-мучеников мы имеем дело с иного рода явлением, т. к. они не были пленными и принадлежали к войску самого Владимира. С одной стороны, это отличает данное свидетельство человеческих жертвоприношений от других (принесения в жертву пленных, а также убийства рабов и жен при смерти их хозяев). С другой стороны, непонятно, принадлежала ли инициатива только совершающим обряд людям, или же они действовали в рамках традиции. Во всяком случае, у нас нет надежных подтверждений источников о введении этим князем определенного типа жертвоприношений. Однако, учитывая общую антихристианскую направленность «языческой реформы», выделение миниатюры легенды о варягах-мучениках в композиционном плане, в данное время мог быть рост количества принесения христиан в жертву, что могло быть характерно только для позднего язычества.

Суммируя результаты нашего анализа, можно сделать ряд выводов. Во-первых, Радзивилловскую летопись, как и остальные памятники летописания Древней Руси, стоит рассматривать не как историческое сочине-

ние, но как особый историко-теологический труд, содержащим не только описание событий и явлений, но и придание им специфического смысла. Что касается миниатюр, то они включают изображаемую реальность в свою систему символов. Во-вторых, изображения язычества можно разделить на две группы – до миниатюры «Метание кубика» и после. Последний набор характеризуется большей полемической направленностью, характеризуя напряженность в общественном сознании, противоборство христианства и язычества. В-третьих, для художника существовало только одно божество – Перун. В X в. громовержец приобрел важное государственное значение, что было связано в конечном итоге с разложением идеалов родового строя. В-четвертых, изображения акцентируют наше внимание на жертвоприношении христиан, что, возможно, было связано с антихристианской политикой Владимира-язычника. Таким образом, в миниатюрах Радзивилловской летописи отображено позднее язычество, находящееся на стадии своего глубокого кризиса – родовая идеология оказывается в противоборстве с княжеской, а само язычество – с христианством.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2008. 1246 с.
2. Лев Диакон. История. М., 1988. 240 с.
3. Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр. М., 1994. Кн. 1. 251 л.
4. Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр. М., 1994. Кн. 2. 415 с.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Л., 1926. Т. 1. 540 с.
6. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1. (I-VI вв.). 472 с.